

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА РАЗНЫХ СТАДИЯХ РАЗВИТИЯ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ¹

И. Е. Каплинская, Н. Н. Солопова, Н. А. Шутова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Обоснованы и раскрыты основные векторы и стадии развития переходной экономики России. Показаны проблемы экономической безопасности страны на разных стадиях трансформации, их связь с кризисными состояниями экономики в период 1992–2018 гг. Выделены важнейшие направления реформирования переходной экономики Российской Федерации на каждой стадии в интересах обеспечения экономической безопасности страны. Поставлена проблема необходимости адаптации экономики России к тенденциям протекционизма и де-глобализации в современной мировой экономике и формирования совместно с другими странами новой модели глобализации. Отмечена значимость развития международных экономических организаций в направлении обеспечения международной экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическая безопасность, переходная экономика, векторы развития, стадии развития, экономические кризисы, рыночная трансформация, глобализация экономики, технологическая безопасность, де-глобализация, протекционизм.

PROBLEMS OF ECONOMIC SECURITY AT DIFFERENT STAGES OF DEVELOPMENT OF THE TRANSITION ECONOMY IN RUSSIA

I. E. Kaplinskaya, N. N. Solopova, N. A. Shutova

Altai State University (Barnaul, Russia)

In the article the main vectors and stages of development of the transition economy in Russia are substantiated and disclosed. The problems of the country's economic security at different stages of the transformation, their connection to the crises of the economy in 1992–2018 are shown. The areas of reformation of the Russian Federation transition economy at the each stage in the interests of ensuring the country's economic security are highlighted. The authors state the problem of the adjustment of the Russian economy to the trends of protectionism and de-globalization in the modern world economy and the formation, together with other countries, of a new globalization model. The importance of the development of international economic organizations in the direction of ensuring international economic security is also noted.

Keywords: economic security, transition economy, development vectors, development stages, economic crises, market transformation, economic globalization, technological security, de-globalization, protectionism.

После кризиса 2014–2016 гг. в России экономическая безопасность становится все более актуальным аспектом развития стра-

ны, особенно на фоне усиления международной политической нестабильности. В современной отечественной научной литературе достаточно подробно рассмотрены различные стороны проблемы экономической безопасности: на уровне национального хозяйства и его хозяйствующих субъектов, на уровне отдельных регионов страны. Так, весьма глубоко исследован данный вопрос, например, в работе

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Научный проект № 18–410–220018 «Исследование социально-экономического развития Алтайского края в различные периоды экономической нестабильности».

М. И. Кротова и В. И. Мунтияна [5]. Однако, на наш взгляд, следует более подробно показать развитие проблемы безопасности в контексте макроэкономической динамики хозяйственной системы России на более длительных этапах (начиная с 90-х годов XX века), делая акцент на цикличности этой динамики, проявляющейся в чередующихся экономических кризисов.

Представляется, что вопросы экономической безопасности и ранее постоянно присутствовали в поле зрения отечественных исследователей (возможно, не всегда в явном виде), поскольку в их работах находили выражение сложнейшие проблемы экономического развития и связанные с ними угрозы. Можно отметить, что само начало реформ в 90-е годы XX века в России было вызвано необходимостью обеспечить безопасность функционирования хозяйственной системы в условиях «истощения» возможностей плановой модели экономики.

Обратимся к оценке проблем экономической безопасности России в условиях ее функционирования уже как самостоятельного государства.

Современная российская экономика отсчитывает свое движение с начала 90-х годов XX в. К этому времени сложились особые характеристики в развитии мировой экономической системы, задаваемые, прежде всего, развитыми странами. К ним можно отнести последовательные процессы либерализации, начавшуюся глобализацию, повышение значимости технологических инноваций. На наш взгляд, эти характеристики определяли и важнейшие векторы трансформации российской экономики [4], траектории ее интеграции в систему мирового хозяйства. Страна вступала в сложный и, по всей вероятности, достаточно длительный переходный период, причем в условиях нарастающей неопределенности конечного результата.

Первый вектор трансформации — создание и в дальнейшем постоянное целенаправленное развитие и совершенствование институтов рыночной экономики в целях формирования современной социально-ориентированной модели. Сложности и проблемы этого движения могут быть интерпретированы как определенные экономические угрозы, поскольку старые элементы системы были фактически демонтированы, а новые еще не вполне сложились.

Второй вектор определялся необходимостью встраивания России в систему глобальных форм международных экономических отношений, которые стали формироваться именно в конце 80-х — начале 90-х годов. Отметим, что Россия, как и СССР ранее практически не была полноценно вовлечена в систему международных экономических отношений, что к началу 90-х годов также становилось угрозой для социально-экономического развития

страны, особенно в условиях распада Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и СССР, разрушивших социалистические форматы международных хозяйственных связей.

Третий вектор трансформации имел более фундаментальный характер и был вызван необходимостью радикальных изменений технологической базы экономики. Ведь на 80–90-е гг. приходится начало реального перехода наиболее развитых стран мира к постиндустриальной, информационной экономике, создающей принципиально новые потенциальные возможности экономического и социального прогресса. Значительное отставание России в конкуренции с другими странами в области фундаментальных сдвигов в технологиях становилось экономически опасным.

Движение в направлении указанных векторов развития переходной экономики России происходило неравномерно, что связано с исключительной сложностью задач трансформации. Этим, вероятно, определяется и некоторая стадийность в их решении.

Представляется, что можно выделить 4 стадии развития переходной экономики России, разделенные основными кризисными состояниями переходной системы. Это кризисы 1992–1996 гг., 1998 г., 2008–2009 гг., 2014–2016 гг. Каждый из этих кризисов отчетливо высвечивал самые сложные и значимые проблемы реформирования в контексте указанных векторов и самые опасные угрозы экономической безопасности страны. Последовательно анализируя кризисные состояния, можно увидеть определенные смещения в приоритетных направлениях трансформации, которые происходили уже в посткризисные периоды и призваны были устранить соответствующие угрозы.

Кризис 1992–1996 гг., давший начало 1-й стадии переходной экономики в России, показал, что самые сложные проблемы экономической безопасности лежали в сфере создания элементов новой рыночной экономической системы (то есть первого вектора изменений), особенно при отсутствии какого-либо опыта подобных трансформаций и неразработанности теории переходных систем. К сожалению, в России был упущен вариант градуалистического подхода к реформам, прежде всего в области приватизации, и использован малопримемлемый в условиях страны метод шоковой терапии, впоследствии фактически отмененный именно по соображениям экономической безопасности.

В данный период времени угрозы глобального взаимодействия также существовали, но были еще не в полной мере осмыслены, что нанесло весьма серьезный ущерб экономике в силу ошибок в сфере политики открытия экономики. Поэтому

второй вектор трансформации также оказался неоптимальным в плане его реализации: результатом стали не только ряд несомненно позитивных эффектов глобализации, но и потери многих важных для страны предприятий и целых отраслей, квалифицированной рабочей силы и гигантских объемов капитала вследствие их «бегства» за границу.

Одновременно возникли признаки «голландской болезни», проявился неблагоприятный крен в направлении формирования рентной модели экономики, угрожавшей нормальному развитию страны.

Что касается третьего вектора (технологических сдвигов), то кризис 1992–1996 гг., безусловно, отражал отставание России в движении и в данном направлении. Но внутренних ресурсов для коррекции ситуации и предотвращения угрозы технологической безопасности практически уже (или еще) не было. И наука, и образование, и инвестиционная деятельность находились в крайне тяжелом состоянии. Приток иностранного капитала мало что давал для решения данной проблемы, а возможно в ряде случаев и усугублял ситуацию, усиливая деформацию структуры экономики.

Кризис 1998 г., как представляется, начал смещать проблематику развития экономики России уже в направлении второго вектора, связанного с глобализацией экономики, и тем самым дал начало 2-й стадии переходной системы страны. Внешние угрозы при этом, прежде всего, определялись масштабными процессами распространения спекулятивных операций и «финансализации» мировой экономики [2]. Эти обстоятельства были недостаточно оценены, возможно, в силу неразвитости внутреннего финансового рынка России (но уже тоже фактически включенного в систему глобальных финансовых потоков). К сожалению, угрозы оказались реализованными, что проявилось в многократном падении курса рубля, дефолте, росте внешнего долга, значительной утечке отечественного капитала и рабочей силы за границу и др.

В этот период обнаружились и корректировались явные дефекты систем управления экономикой и рыночных институтов (то есть проблем первого вектора трансформации), особенно внешнеэкономического плана.

Отметим, кризис показал, что третий, технологический, вектор трансформации вновь оказался почти не реализованным, хотя вполне осознаваемым как проблема. В итоге в дальнейшем, уже в «нулевые» годы предпринимались значительные усилия в направлении создания нового формата структуры экономики, прежде всего за счет инвестиций, в том числе иностранных. Создавались новые виды производства и, соответственно, технологии, однако процесс не был стабильным. Угроза

технологической безопасности страны постепенно возрастала.

Кризис 2008 г., возникший достаточно неожиданно на фоне кажущегося благополучия экономики, безусловно, на первое место поставил угрозу дефектов движения по второму вектору трансформации (в направлении учета процессов глобализации) и оказал существенное влияние на последующую коррекцию институтов рыночной экономики и системы государственного регулирования (направление первого вектора). Кризис положил начало 3-й стадии развития переходной экономики. В целом Россия оказалась не вполне готова к вызовам глобальных кризисных потрясений, как, впрочем, и многие другие страны. Считалось, что страна еще не слишком основательно вписалась в эту систему. Однако реалии были иными, и спад в экономике оказался очень глубоким: падение ВВП достигло 8%. Пожалуй, именно этот кризис жестко указал на необходимость учета не только глобальных тенденций и их использования в интересах страны, но и важность технологических трансформаций экономики. Сложившийся структурно деформированный характер хозяйства России, неконкурентоспособность большинства готовых отечественных товаров на мировых рынках вывели данную проблему на первый план. Но ресурсы для технологического рывка оказались ограниченными. При этом отметим, что ведущие страны мира именно в это время приступили к созданию и освоению технологий, определяемых уже логикой четвертой промышленной революции.

Кризис 2014–2016 гг. однозначно проявил угрозы российской экономике, связанные с длительным игнорированием третьего (технологического) вектора трансформации и обозначил начало 4-й стадии реформ в рамках переходной экономики страны. Общемировые тенденции экономического развития более не оставляют России выбора: «Происходящие изменения настолько значительны, что мир вступает, возможно, в крупнейший за всю историю технологический переход...» [3]. Место страны в мировой системе отныне будет определяться степенью ее способности к разработке и освоению современных технологий. Тем более что и сама глобализация, как отмечал ряд американских экспертов (С. Ланд, Дж. Мэника, Ж. Бугин), изменяет свою форму: «глобализация ... приобрела цифровой характер» [1]. Тем самым фактически происходит сращивание третьего и второго векторов развития: «Новые технологии уже начали объединять мировую экономику, и потенциал, который несет новая технологическая волна, позволяет констатировать: экономика будет становиться все более глобальной, хотя скорость этого процесса может меняться» [6].

Новые требования предъявил кризис и в плане развития институтов современной экономики (первый вектор трансформации). Прежде всего, это относится к механизмам взаимодействия государства и бизнеса, к их оптимальному соотношению в интересах развития национального хозяйства и экономической безопасности всех его субъектов.

Однако экономический кризис 2014–2016 гг. неожиданно наложил на еще одну проблему, ставшую серьезным вызовом экономической безопасности России: в мировой экономике появился феномен де-глобализации, усиленный экономической политикой США. (При этом некоторые исследователи даже склонны искать начало этого процесса не в 2014–2016 гг., а уже в период кризиса 2008 г.). Вызванное ею усиление «провинциализации» и «национализации» в мировой экономике в контексте ранее достаточно устойчивых процессов глобализации еще не вполне осмыслено. Не ясно, сменился вектор глобализации на прямо противоположный, или нет. Так, по мнению С. Гуриева, «пока нет ответа на вопрос, обратима ли глобализация. Все решится в социальных СМИ, социальных сетях» [8]. Вероятнее всего, данные процессы отражают обострившиеся проблемы самой глобализации и потому будут носить временный (но все же достаточно затяжной) характер. Возможно также, что глобализация, как и большинство процессов в экономике, носит циклический характер, и в чередовании глобализации и «национализации» происходит поиск оптимальных пространственных форм развития экономики. «Мы подошли к концу 30-летнего суперцикла активной глобализации в мировой экономической политике. Он принес существенную добавленную стоимость мировой экономике. Но эта стоимость не была равномерно распределена между государствами. Пока проблемы равномерного распределения добавленной стоимости не будут решены, мы будем видеть нарастание де-глобализации» [8].

Последствия де-глобализации могут оказаться крайне тяжелыми для мирового сообщества, возможно, даже более тяжелыми, чем, безусловно, существующие негативные эффекты самой глобализации. Де-глобализация приведет к существенному торможению научно-технического прогресса, падению мирового производства, производительности труда и уровня жизни, конфликтам между странами за контроль над экономическими ресурсами, резкому обострению политического противостояния в мире. Г. Греф на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2019 г. отметил: «Начинаются торговые войны, которые приносят 510 млрд долларов убытков мировой экономике. Потенциально они могут вырасти почти до 3 трлн долларов. Каждая страна почувствует этот удар» [8]. Именно эти

реальные и потенциальные угрозы, как представляется, скорее всего, все же сохранят глобализацию как ведущий тренд мирового развития на длительных периодах экономического развития. Интересно, что многие авторы за процессами де-глобализации склонны видеть кризис либеральной модели экономики и даже кризис капитализма в целом, что более отчетливо может проявиться в грядущем экономическом кризисе, начало которого, однако, невозможно спрогнозировать.

Для России это будет означать необходимость решения задач развития в направлении не только резкого форсирования технологической трансформации (третьего вектора развития), но и существенной социализации модели рыночной экономики (первый вектор), вероятно с элементами усиления плановых элементов и институтов экономических отношений, но уже на базе новых технологий (с использованием системы блокчейн). Что касается второго вектора (глобализации), то России, на наш взгляд, необходимо воспользоваться складывающейся ситуацией усиления протекционизма в интересах страны и откорректировать свое развитие, устранив накопленные ранее негативные эффекты глобализации, и одновременно начать работать совместно с другими странами в направлении формирования принципиально новой модели глобализации, «снимающий» противоречия современного этапа ее развития.

Фактически это будет означать необходимость создания системы глобальной экономической безопасности, в которой решающую роль должны сыграть международные экономические организации в условиях глубокого реформирования их деятельности в интересах всех стран. В первую очередь это касается ВТО, МВФ, МБ, G-20, а также региональных интеграционных объединений: (ЕС, ЕАЭС, АСЕАН, АТЭС, USMCA, MERCOSUR и др.). Эти экономические организации необходимо начать перестраивать с учетом возможных угроз как со стороны излишней либерализации международных экономических отношений, так и особенно со стороны ныне растущего агрессивного протекционизма, иначе «на смену международным правилам, пусть и не слишком совершенным, и устаревшим, могут прийти хаос и анархия, чреватые обострением проблем мирового развития» [7].

Сформулированные выше задачи, вероятно, должны быть важнейшими для России уже на текущей 4-й стадии развития переходной экономики и станут во главу угла при переходе к следующей, 5-й стадии, которая, вероятно, будет запущена новым экономическим кризисом. При благоприятных условиях это позволит создать новую модель российской экономики, которая и станет завершением переходного периода в экономическом развитии страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Березной А. Транснациональный бизнес в эпоху глобальной цифровой революции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. №9. С. 5–17.
2. Вымятина Ю., Грищенко В., Остапенко, В., Рязанов В. Финансовая нестабильность и экономические кризисы: уроки Мински // *Экономическая политика*. 2018. №4. С. 20–41.
3. Идрисов Г. И., Княгинин В. Н., Кудрин А. Л., Рожкова Е. С. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // *Вопросы экономики*. 2018. №4. С. 5–26.
4. Каплинская И. Е., Троцкий А. Я. Экономические кризисы в современной России в контексте основных тенденций развития мирового хозяйства // *Финансовая экономика*. 2018. №7. С. 306–311.
5. Кротов, М. И., Мунтиян, В. И. Экономическая безопасность России: Системный подход: монография. СПб.: РОСТ, 2016. 336 с.
6. Медведев Д. А. Россия 2024: Стратегия социально-экономического развития // *Вопросы экономики*. 2018. №10. С. 5–28.
7. Оболенский В. От легитимного протекционизма к торговым войнам? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. №9. С. 18–25.
8. Глобализация vs деглобализация: что изменилось для бизнеса [Электронный ресурс]. URL: http://sia.ru/?section=484&action=show_news&id=369817/ (дата обращения: 10.03.2019).

REFERENCES

1. Bereznoy, A. (2018) Transnational business in the era of the global digital revolution. *World Economy and International Relations*, 9, 5–17. (in Russian).
2. Vmyatina, Yu., Gryshchenko, V., Ostapenko, V. & Ryazanov, V. (2018) Financial instability and economic crises: Lessons from Minsky. *Economic Policy*, 4, 20–41 (in Russian).
3. Idrisov, G. I., Knyagin, V. N., Kudrin, A. L. & Rozhkova, E. S. (2018) New technological revolution: challenges and opportunities for Russia. *Questions of Economy*, 4, 5–26 (in Russian).
4. Kaplinskaya, I. E. & Trotskovsky, A. Ya. (2018) Economic crises in modern Russia in the context of the main trends in the development of the world economy. *Financial Economics*, 7, 306–311 (in Russian).
5. Krotov, M. I., & Muntiy, V. I. (2016) *Russia's Economic Security: a Systems Approach*. St. Petersburg (in Russian).
6. Medvedev, D. A. (2018) Russia 2024: Strategy of social and economic development. *Questions of Economy*, 10, 5–28 (in Russian).
7. Obolensky, V. (2018) From legitimate protectionism to trade wars? *World Economy and International Relations*, 9, 18–25 (in Russian).
8. Globalization vs deglobalization: what has changed for business. URL: http://sia.ru/?section=484&action=show_news&id=369817/.

Поступила в редакцию: 16 марта 2019 г.

Принята к печати: 30 апреля 2019 г.